Жун Дуаньюй улыбнулась:

— Наверное, пошёл жевать сладости, с детства так делает, когда злится.

Хо Линьфэн, услышав это, решил отнести ему немного сушёных груш, ведь сладости вредят зубам. Выйдя из Зала Чэньби, он пошёл вместе с Жун Дуаньюй, и когда они вышли на тихую улочку, она спросила:

— Почему молодой господин, который однажды потратил четыре тысячи лян в Башне Чжаому, стал учеником в Дворце Буфань?

Этот мягкий вопрос был неожиданным, но Хо Линьфэн скрыл свою нервозность и спокойно ответил:

— Жизнь в мире бродяг полна приключений. Вчера я тратил тысячи лян, сегодня верно служу, а завтра, может быть, вернусь домой. Никакой причины, просто так хочется.

Жун Дуаньюй сказала:

— Ты очень свободолюбив.

Она посмотрела вдаль, где едва виднелись очертания Безымянной обители.

— Ты спас моего брата, и я благодарна тебе.

Хо Линьфэн воспользовался моментом:

— Тогда, пожалуйста, не рассказывай господину о том, что произошло той ночью. Если он узнает, что я позволил его сестре выступить на сцене, он, наверное, зарубит меня.

Жун Дуаньюй прикрыла лицо рукой и тихо засмеялась, кивнув в согласии, а затем пошла дальше.

Дойдя до Безымянной обители, она увидела, что у входа лежит дикая кошка, привязанная к двери верёвкой. Во дворе валялись камни, но от входа до крыльца была расчищена гладкая дорожка. Она шла тихо, вдоль крыльца, и, подойдя к окну спальни, увидела, как её брат лежит на кровати и ест молочный пирог.

Жун Лоюнь был недоволен, вернувшись, он увидел, как кошка охотится на рыбу, и связал её, чтобы та не побеспокоила Жун Дуаньюй. Затем он расчистил дорожку, чтобы камни не мешали ей идти, налил чай, положил мягкую подушку на стул, зажёг ароматную палочку и вообще устроил целую суету.

Сладкий молочный пирог успокаивал его душу, и он наслаждался им, когда кто-то схватил его за косичку из окна.

— Дорогой брат, не злись, — наклонилась Жун Дуаньюй. — Оставь место для аппетита, Ду Чжун сказал, что принесёт тебе сушёные груши.

Жун Лоюнь остановился, сушёные груши — это всё, что он заслужил? Но, подумав, он отложил пирог. Он постепенно успокоился, ведь рисковала его сестра, и если он будет продолжать сопротивляться, это только усилит её беспокойство.

— Сестра, — позвал он. — Ты давно не приходила.

Жун Дуаньюй отпустила косичку и погладила Жун Лоюня по затылку, как мать. Она огляделась и заметила, что в комнате появились чан с красными карпами, лотосы, висячие фонари и разноцветный воздушный змей. Все эти детали говорили о том, что Жун Лоюнь стал счастливее, и она тоже радостно щёлкнула его пальцем.

Жун Лоюнь сам признался, словно хвастаясь:

— Всё это подарил мне Ду Чжун.

Но этого было мало, и он, глядя на узоры на лакированной коробке, продолжал:

— Он спас мне жизнь, потерял внутреннюю энергию, чтобы вылечить меня, одевал меня, мыл мои волосы, мы даже жарили кролика. Он ещё…

Он задумался, и его хвастовство стало более личным:

— Он ещё вытирал мне рот.

Жун Дуаньюй на мгновение застыла, не зная, что сказать. Всё остальное можно было понять, но зачем же он позволял ему вытирать рот? Она подумала и наконец выдавила:

— Зачем тебе платок, если ты сам можешь вытираться?

Жун Лоюнь сказал:

— Я отдал платок Ду Чжуну, вышей мне новый.

С какой уверенностью он это говорил! Жун Дуаньюй была поражена и ткнула его в голову пальцем. Она мысленно размышляла: подходит ли мужчине дарить платок? Может, лучше подарить меч или кинжал? Но, подумав, решила, что раз уж подарено, то пусть будет так.

В начале лета Жун Лоюнь перешёл под навес, чтобы посидеть, оставив спальню для отдыха Жун Дуаньюй. От нечего делать он брал горсть камней и бросал их в чан, создавая брызги. Развлекаясь, он заметил, что к воротам подошёл кто-то, и тут же метнул камень в его сторону.

Хо Линьфэн поймал камень, ладонь не болела, значит, гнев утих, и Жун Лоюнь не хотел его обидеть. Подойдя к навесу, он присел на корточки перед Жун Лоюнем и протянул пакет с сушёными грушами.

Жун Лоюнь некоторое время играл с камнями, но, протянув руку за грушами, заметил, что она в пыли. Хо Линьфэн взял один ломтик, при свете дня поднёс его к его губам, немного смутившись, и отвернулся.

В мгновение ока кончики пальцев опустели, Жун Лоюнь схватил ломтик зубами.

Как кошка, ловящая птицу, или птица, хватающая еду.

Он жевал, чувствуя сладость, немного наглости и много смущения. Сидя на подушке, он вдруг вскочил, как будто она загорелась, и побежал мыть руки. Вернувшись, он сел и начал выяснять:

— Утром, что ты шептал мне на ухо?

Хо Линьфэн ответил:

— Ругал тебя, постоянно командующего мной, это раздражает.

Жун Лоюнь не поверил:

— Тогда я буду командовать кем-то другим, найму служанку, кроме жалования, ещё и платок подарю.

Хо Линьфэн изменил тон:

— Хвалил тебя, но стыдно было говорить, не мучай меня.

Жун Лоюнь ещё больше не поверил, но, не сумев вытянуть из него правду, почувствовал себя побеждённым. Хо Линьфэн, видя это, не смог устоять и пообещал:

— Я расскажу тебе позже, обязательно расскажу.

Жун Лоюнь, не понимая, молча запомнил это обещание. Позже, когда Хо Линьфэну стало неудобно сидеть на корточках, он потянул другую подушку и сел рядом. Эта подушка напомнила ему о старом храме у подножия горы, где они молились и каялись.

Тогда они покаялись, а потом загадали желания.

Он вдруг спросил:

— Господин, что ты загадал той ночью, когда мы молились?

Жун Лоюнь вздохнул, чувствуя, что желание не сбылось, и тихо ответил:

— Я загадал… мир для народа.

Затем спросил:

— А ты?

Хо Линьфэн немного удивился:

— Мир без войны.

Он не удержался и взял руку Жун Лоюня, не для того, чтобы проверить рану или согреть, а просто чтобы крепко держать. В этот момент их сердца, казалось, слились воедино, и они стали как старые друзья. Жун Лоюнь тоже крепко сжал его руку, их линии ладоней совпали.

В этот момент они сидели в тишине, только ветер играл с облаками.

А за маленьким окном Жун Дуаньюй с удивлением нахмурилась.

Свет из окна осветил комнату, и Жун Дуаньюй, вдевая нитку в иголку, увидела эту сцену. Она наблюдала некоторое время, чувствуя, что что-то не так, и закрыла окно, вернувшись к кровати. Она начала вышивать, не прерывая работу, но в душе было неспокойно.

Зачем двум мужчинам держаться за руки?

Крепко, серьёзно, пальцы переплетены, с лёгкой нежностью.

Её брат всегда носил широкие рукава, и его руки редко были видны, не говоря уже о том,

чтобы кто-то держал их. Неужели он изменился? Она слегка подняла глаза и увидела на стене висящий разноцветный воздушный змей, красный, как пламя, но с зелёным кончиком крыла. Она пригляделась и увидела, что нарисованы два листка, маленькое растение Ду Чжуна.

Жун Дуаньюй вспомнила слова Жун Лоюня о спасении, лечении и даже вытирании рта… Какой ученик сделал бы всё это? И почему её брат спокойно принимал это?

В этот момент послышались лёгкие шаги, и Жун Лоюнь вошёл с сушёными грушами, сел рядом.

— Сестра, хочешь? — протянул он ломтик, словно продавец. — Еда из родного города Ду Чжуна, сладкая, но успокаивает горло.

Жун Дуаньюй спросила:

— Ду Чжун ушёл?

Жун Лоюнь кивнул:

— Он пошёл в город, чтобы осмотреть убежища, а затем в Башню Чжаому, чтобы всё подготовить.

Сегодня вечером они распространят новости, а завтра попробуют привлечь гостей вышитыми шарами.

Жун Дуаньюй снова спросила:

— Он кажется очень способным, ты больше всего на него полагаешься?

Молчание. Жун Лоюнь не сразу ответил, а серьёзно обдумал вопрос. Конечно, он полагался на Хо Линьфэна, считая его талантливым, но это была лишь часть. Было что-то большее.

Через некоторое время он сказал:

— Ду Чжун отличается от других.

Он может раздражать, но и успокоить; может командовать, но и выполнять работу служанки; иногда относится к нему как к господину, иногда как к другу, а сейчас, кажется, стал близким другом.

Были и другие моменты, о которых нельзя было говорить вслух, просто вспоминая их, он уже краснел.

Он восхищался Хо Линьфэном, восхищался им, когда тот бил в барабаны, и доверял ему, когда тот утешал его после падения в воду, проехал триста ли, чтобы спасти его жизнь, давая ему чувство безопасности. Восхищение, доверие, уважение — всё это не выходило за рамки отношений господина и ученика, а что касается остального, он не мог сказать.

Жун Дуаньюй не стала углубляться и продолжила вышивать. Она вышивала не цветы и не травы, а жёлтого тигра, чтобы, если брат снова захочет подарить кому-то, это не выглядело слишком женственно.

На следующий день убежища были почти готовы, охраняемые полицейскими, и ученики Дворца Буфань вернулись. У Пагоды Мони две погибшие девушки были похоронены в полдень,

монахи стояли вдоль дороги и читали молитвы.

Когда похоронная процессия проходила мимо длинной реки, траурная музыка заглушалась смехом и шумом. На берегу реки плавали лодки, украшенные фонарями, летом девушки одевались легко и ярко. Башня Чжаому была ещё более оживлённой, двери и окна были широко открыты, и толпа мужчин толпилась снаружи.

Прохожие удивлялись:

— Почему они зазывают гостей днём?

Кто-то ответил:

— Невинные девушки постоянно страдают, эти проститутки не могут больше сидеть сложа руки!

[Примечания отсутствуют]

http://bllate.org/book/16167/1449318